

Автобіографія священника Аполлонія Сендульскаго.

Въ октябрьской книжкѣ *Кіевской Старины* за 1882 г. помѣщенъ составленный г. Ал. Тарнавскимъ некрологъ священника Волинской Епархіи о. *Аполлонія Сендульскаго*, скончавшагося 7 января 1882 г.

„О. Аполлоній Сендульскій,—такъ начинается некрологъ,—былъ въ высшей степени выдающаяся личность. Въ немъ счастливо соединились прекрасный чѣловѣкъ, образцовый священникъ-настырь, незаурядный дѣятель-администраторъ и выдающійся мѣстный ученый-историкъ.“—Переходя къ характеристикѣ литературныхъ трудовъ о. Аполлонія, посвященныхъ мѣстной исторіи, г. Тарнавскій говоритъ: „Начавъ съ исторіи села *Сивокъ* (острожск. уѣзда)—своего прихода—перваго печатнаго труда, появившагося на страницахъ мѣстныхъ „Волинскихъ Епарх. Вѣдомостей“ въ 1868 г., о. Аполлоній перешелъ къ изслѣдованію сосѣднихъ мѣстностей—сель, мѣстечекъ, городовъ и монастырей—и неустанно работалъ до послѣднихъ дней своей жизни.“—Приведши затѣмъ перечень историческихъ статей о. Аполлонія, коихъ оказывается около 40,—г. Тарнавскій говоритъ: „Но литературная дѣятельность о. Аполлонія Сендульскаго не ограничивалась перечисленными трудами. Онъ велъ „Лѣтопись“ своего прихода; въ нее онъ вносилъ все замѣчательное, какъ то: особенныя событія и случаи, наблюденія надъ жизнію крестьянъ, статистическія свѣдѣнія о приходѣ и метеорологическія наблюденія. Послѣ отца Аполлонія осталась написанная имъ же самимъ „Автобіографія“ и множество рукописнаго матеріала, между прочимъ двѣ приготовленныя къ печати

статті: „Мѣстечко Лабунь“ и „Мѣстечко Степань“, и многочисленная бібліотека, состоящая преимущественно изъ книгъ историческаго содержанія.“

Вотъ эту-то вышеупомянутую „Автобіографію“ о. Аполлонія Сендульскаго мы и сообщаемъ теперь на страницахъ *Кіевской Старины*. Она, кромѣ характеристики личности самого о. Аполлонія, представляетъ также интересный матеріалъ для исторіи волынской духовной семинаріи, въ которой о. Аполлоній учился въ 40-хъ и началъ 50-хъ гг. А это—и кстати; ибо волынская д. семинарія собирается справлять въ 1896 г. свой *столѣтній юбилей*...

Въ „Автобіографіи“ мы сдѣлали по мѣстамъ подстрочныя примѣчанія. Покойный о. Аполлоній повидимому самъ собирался ее напечатать, и такъ какъ многія личности, о коихъ онъ упоминаетъ и дѣлаетъ подчасъ рѣзкіе отзывы, были въ то время (въ 1867 г.) еще въ живыхъ, то онъ имена этихъ личностей обозначаетъ только начальными буквами. Тоже самое сдѣлалъ онъ и съ названіями мѣстностей. На сколько позволяли наши свѣдѣнія, мы раскрыли большую часть этихъ именъ.

Подлинная рукопись „автобіографіи“—(*черновая*—съ поправками и помарками) передана намъ сыномъ о. Аполлонія, кандидатомъ кіевской духовной академіи *Клавдіемъ Аполлоновичемъ Сендульскимъ*, который состоитъ теперь священникомъ въ г. Одессѣ при Петропавловской церкви. Приносимъ за это многоуважаемому о. Клавдію искреннюю благодарность.

Левъ Мацѣвичъ.

А в т о б і о г р а ф і я .

Родина моя село *Садки*, кременецкаго уѣзда. Родился я въ 1830 г. 17 октября отъ родителей священника *Дорофея* и жены его *Анастасіи*; актъ рожденія и крещенія моего записанъ въ метрическихъ книгахъ при Садковской Богословской церкви. Чрезъ полгода послѣ моего рожденія умеръ мой отецъ, и я остался сиротою. Не сознавалъ я тогда бѣдственнаго своего положенія и не замѣчалъ даже, что вокругъ меня дѣлается; я

былъ тогда въ родѣ автомата: кричалъ, смѣялся, плакалъ и больше ничего; но когда я началъ подростать, то замѣтилъ, что внѣшняя обстановка нашей жизни слишкомъ была незавидна; случалось, что семья наша нуждалась въ кускѣ насущнаго хлѣба; мать убивалась, какъ могла, горевала и трудилась, едва ли не болѣе простой поселанки; ни дня, ни ночи не имѣла покоя, всю черную работу сама исправляла и такимъ образомъ кормила всю свою семью, состоявшую, кромѣ самой матери, изъ двухъ дочерей и меня, самага меньшаго. Я, разумѣется, какъ меньшей („мизинокъ“), пользовался особенною любовію у матери; всѣ сласти, все лучшее было моимъ достояніемъ; я росъ, какъ обыкновенно растутъ въ деревнѣ всѣ крестьянскія дѣти; росъ безъ радости, но и безъ горя; въ этомъ безпечномъ и безцвѣтномъ существованіи или, правильнѣе сказать, прозябаніи по цѣлымъ днямъ шалилъ, рѣзвился, игралъ съ мальчиками и въ тоже время ругалъ, бранился и даже колотилъ своихъ товарищей, если который изъ нихъ оказывался въ чемъ-нибудь неисправнымъ, или же въ чемъ-нибудь мнѣ противорѣчилъ. Говорятъ, что въ чловѣкѣ съ малыхъ лѣтъ проявляются уже наклонности къ тому призванію, которое ожидаетъ его послѣ, на поприщѣ жизни. Между дѣтскими моими играми уже замѣтно было нѣчто такое, что можетъ оправдывать настоящее мое призваніе. Такъ, я, собирая къ себѣ мальчиковъ, крича во всю глотку, устраивалъ погребальную церемонію, а для сего давалъ товарищамъ въ руки предлинныя хворостины въ родѣ хоругвей, а самъ изъ арбуза дѣлалъ кадильню, шель предъ ними впереди и пѣлъ, но что пѣлъ, теперъ не помню. Такъ текло беззаботно мое дѣтство. Но вотъ показались и тучки на моемъ горизонтѣ. Едва минуло мнѣ пять лѣтъ, уже дали мнѣ въ руки книгу и начали учить. Неохотно сидѣлъ я за книгою,—сильно она мнѣ не нравилась. При томъ я никакъ не могъ понять и усвоить себѣ премудрость азбуки, а букварь вѣдь не коврижка, сразу не раскусишь. Не учился, а мучился я цѣлый годъ, пока узналъ я начертаніе и произношеніе кириллицы; но какъ пришлось до складовъ, то они просто показались мнѣ чѣмъ-то непостижимымъ; еще прошло полгода, пока я затвердилъ ихъ. Наконецъ нужно было и

читать урокъ толково или по верхамъ. Я плакалъ, сердился, проклиная всю книжную премудрость, но вѣчего было дѣлать. У меня было нѣсколько учителей и все дѣячки, которые дѣйствовали по своему; и какъ, разумѣется, это было еще въ первой половинѣ 19-го столѣтія и они, по своимъ понятіямъ, не могли предугадывать уничтоженія и прекращенія бывшей тогда въ ходу системы розогъ,—то, послѣ всѣхъ принятыхъ противъ меня мѣръ, приступили къ розгамъ и стали меня сѣчь. Этотъ крутой поворотъ дѣла сильно подѣйствовалъ на меня, и я, во избѣжаніе дальнѣйшихъ жестокостей, принялся за книги и въ непродолжительное время прошелъ букварь, часословъ и псалтырь. „Вотъ я уже грамотный, думалъ я, могу читать въ церкви и даже разбирать гражданскую печать; чего же больше нужно для меня, несчастнаго сироты, вѣдь этой премудрости довольно съ меня.“ Такъ думалъ и мой учитель дѣячокъ, который уговаривалъ мою мать, чтобы она оставила меня при немъ, для того, чтобы, приучивъ меня причетническимъ предметамъ, сдѣлать дѣячкомъ; но мать на это не согласилась и настояла на томъ, что взяла меня домой. Послѣ того еще около двухъ лѣтъ я таскался по дѣяческимъ профессіямъ и наконецъ поступилъ въ 3. ¹⁾ приходское училище. Хотя я былъ уже довольно приготовленъ и могъ бы поступить во 2-й классъ, но такъ какъ не было ходатайства за меня, то я принятъ былъ послѣ экзамена въ 1-й классъ. Здѣсь былъ наставникомъ И. В. Кач...ій. Его грубая и упрямая натура не общалась мнѣ ничего добраго. Но онъ какъ-то не обратилъ на меня своего вниманія, и цѣлый годъ я не испытывалъ его жестокости, потому-ли, что я занимался по возможности уроками, или что я былъ бѣденъ и не составлялъ для него лакомаго куска. Но какъ онъ обходился съ другими,—страшно вспомнить. Особенно онъ любилъ призывать учениковъ къ себѣ и расправлялся съ ними собственноручно. Но нужно замѣтить, что жестокость соединялась въ немъ съ какою—то неопредѣленною добротою сердца. Онъ билъ плетью, но въ тоже время подпавшихъ его

¹⁾ *Загаецкое. С. Загаицы—кремневецкаго уѣзда, въ 42 в. къ юго-вост. отъ Кременца. Тамъ—мужской заштатный монастырь и при немъ—училище. Монастырь извѣстенъ подъ именемъ Загаецкаго Іоанна Милостиваго. Основ. ок. 1636 г.*

жестокости поилъ чаемъ, награждалъ разными сластями и даже давалъ деньги. Черезъ годъ онъ выбылъ, а поступилъ И. М. Мос—ій. Это былъ отчасти добрый человѣкъ, и объясненія его по краткой священной исторіи памятны мнѣ и до сего дня; въ числѣ первыхъ учениковъ я перешелъ во 2-й классъ. Тутъ былъ наставникомъ смотритель училища и казначей Загаецкаго монастыря іеромонахъ *Сергій*. Онъ обходился съ учениками, какъ отецъ съ дѣтьми; онъ первый заставлялъ насъ думать и разсуждать, предлагая ученикамъ различные вопросы, сообразные съ ихъ понятіями, объясняя просто, и такимъ образомъ развивалъ наши понятія. Если бы въ теченіе училищной жизни встрѣтилось намъ побольше такихъ наставниковъ, то изъ насъ вышло бы что-нибудь путное; но это былъ первый и послѣдній наставникъ въ этомъ родѣ. Много объясненій его я записывалъ и долго сохранялъ въ памяти. Кромѣ того, онъ имѣлъ обыкновение давать лучшимъ ученикамъ книги для чтенія, и я, будучи въ числѣ лучшихъ по успѣхамъ, постоянно бралъ у него книги различнаго содержанія; много въ то время я читалъ, хотя и не понималъ всего; тогда же прочиталъ я всѣ Четьи-Минеи, Прологъ, Патерикъ печерскій и друг. Многое изъ прочитаннаго я усвоилъ, а многое и осталось безъ вниманія. Послѣ двухлѣтняго курса во 2-мъ классѣ, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я поступилъ въ Кр.¹⁾ уѣздное училище, въ концѣ разрядныхъ списковъ. И вотъ я очутился въ уѣздномъ городѣ К.²⁾ Тутъ сперва опишу я матеріальную сторону моего быта на новомъ мѣстопребываніи, а потомъ скажу и объ училищной обстановкѣ. Городъ не то, что село. На селѣ во что ни одѣнешься, никто не обратитъ на тебя вниманія, развѣ товарищъ—отцовскій сынъ, баловень счастья, иногда посмѣется, подтрунитъ надъ твоею одеждою и тѣмъ конецъ;—но въ городѣ другое дѣло. Послѣ каникулярнаго времени явился я съ обновой въ г. К.; на мнѣ была неопредѣленнаго фасона одежда изъ пестрядины—простого холста, окрашеннаго олеюною краскою.

¹⁾ Кременецкое.

²⁾ Кременецъ.

Бурсы при училищѣ тогда не было, а казенокоштные ученики помѣщались въ Базиліанскомъ корпусѣ, отстоящемъ отъ училища почти на версту. Въ этой неопредѣленнаго фасона одеждѣ я щеголялъ въ классъ чрезъ главную улицу. Евреи часто оточали¹⁾ меня, ощупывали мою одежду и съ саркастическимъ смѣхомъ или отходили отъ меня, или спрашивали съ злой ironіей: „почѣму то сукно“. Я, разумѣется, отплачивалъ имъ добрую монетою.—На квартирѣ намъ было хорошо; давали кушать порядочно и вдоволь, но нечистота была страшная и невообразимая. Послѣ сентябрьской трети сформировалась уже бурса при училищѣ, и всѣ казенокоштные ученики перешли туда. Тутъ начинается уже крайняя бѣда. Экономомъ былъ смотритель училища, который кормилъ насъ, какъ ему заблагоразсудилось. Правда, ничтожная сумма (16 р.) тогда отпускалась на бурсака, но нужно же было изъ этой крохи хоть что-нибудь удѣлать себѣ, и онъ удѣлялъ, а дабы не отягощать нашихъ маленькихъ желудковъ и тѣмъ не забивать способностей, онъ выдавалъ намъ по толикой малой порціи, что многіе начали хворать и упадать въ силахъ; кромѣ того, каша, или правильнѣе кулишъ, давалась намъ всегда синяя, отчего скоро открылась горячка у бурсаковъ, и многіе поплатились жизнью за эту кашу. Но никто и не пикнулъ противъ этого! Мы молчали и терпѣли. Такова была и моя бурсацкая жизнь. И я тремя седмицами отдѣлался отъ бѣлой горячки, отъ которой и волоса не осталось на головѣ. Такой кормъ продолжался чрезъ 3-й и 4-й классы уѣздныхъ училищъ. И не смотря на то, что въ желудкѣ, какъ въ пустомъ, постоянно бурчало, въ классѣ находили мы пытку не лучше этой. Наставникомъ члатинскаго языка въ 3-мъ классѣ былъ В. С—ій, человѣкъ крутаго и энергическаго характера; будучи строгъ и взыскателенъ за познаніе уроковъ, онъ расправлялся съ мальчиками тиранически — всегда на скамейкѣ, что тогда мы называли „тянуты на кобылу“ какъ обыкновенно здѣсь называютъ эшафотъ. Кромѣ этого безчеловѣчнаго наказанія, или сѣченія розгами на скамейкѣ, всѣ незнающіе уроковъ должны были стоять па колѣняхъ. Бла-

¹⁾ Т. е. окружали.

годаря обстоятельствамъ, я никогда не подвергался эшафоту. Но сердце замирало, когда происходила расправа съ другими. Какъ теперь помню его слова: „а-ты каналья, не хочешь учиться, взять его на скамейку“. Бѣдный грѣшникъ кричалъ, вопилъ, молилъ, но не было ему пощады. Тотчасъ подходили къ нему четыре экзекутора, брали его за голову, руки и ноги и безцеремонно растягивали его на эшафотѣ; между тѣмъ главный экзекуторъ беспощадно стегалъ его. Крикъ этихъ присужденныхъ къ такому наказанію далеко слышенъ былъ въ городѣ. Тогда, разумѣется, никто изъ насъ, и особенно успѣвавшихъ, не задавался вопросомъ: что заставляло насъ учиться; но теперь можно дать на это положительный отвѣтъ, что мы учились не изъ любви къ наукамъ, не по охотѣ, которую отнялъ у насъ этотъ терроризмъ, а единственно изъ страха, чтобы избѣжать страшныхъ пытокъ. Про себя я долженъ то самое сказать. Хотя я занимался по возможности предметомъ этого наставника, такъ что скоро обратилъ на себя его вниманіе,—однако шелъ въ классъ постоянно съ какимъ-то смущеніемъ и боязнію. Предъ экзаменомъ въ первой трети онъ поставилъ меня въ 1-мъ разрядѣ и въ генварьской трети назначилъ меня *авдиторомъ*, что особенно польстило моему самолюбію. Наставникомъ греческаго языка былъ О. Ол—ій, человѣкъ мягкаго характера и черезчуръ уже добраго сердца; онъ не любилъ розогъ и даже долгое время не заводилъ по своему предмету *нотатокъ*¹⁾. Нужно замѣтить, что онъ былъ перваго академическаго курса и уволенъ по болѣзни. Тотъ также воспроизвелъ меня въ авдиторы, и моя бурсацкая жизнь съ этой поры значительно улучшилась; имѣя подъ своимъ присмотромъ до 10 учениковъ, и то большею частью своекоштныхъ, я уже не голодалъ. Утромъ приносили мнѣ булки, а послѣ обѣда мясное и даже рыбное. За эти посулы я долженъ былъ волею-неволею кривить душой и незнающихъ уроковъ записывать знающими. Въ сохранившихся у меня до сихъ поръ нотаткахъ постоянно значатся отмѣтки: *scit*, хотя

¹⁾ Нотатками назывались листы, въ конхъ *авдиторы* отмѣчали вѣренныя или учениковъ знающими или не знающими урокъ. Л. М.

правду сказать, мои кліенты были чрезвычайно лѣнивый народъ. Если который-нибудь изъ нихъ уже самъ приходилъ ко мнѣ съ видомъ чрезвычайно униженнымъ и покорнымъ и, поклонившись своеобразно, объявлялъ мнѣ, что онъ рѣшительно не знаетъ урока, то и тогда отмѣчалъ его я только *errandum* (sic) ¹⁾, но такихъ отмѣтокъ очень мало, потому что не всякій сознается въ своемъ незнаніи. Въ числѣ первыхъ учениковъ я перешелъ въ высшее отдѣленіе уѣздныхъ училищъ. Здѣсь, кромѣ обязанности аудитора, на меня возложена была еще должность старшаго квартиры. Эти двѣ обязанности чрезвычайно трудны къ добросовѣстному ихъ исполненію. Здѣсь по истинѣ нужно быть хитрымъ яко змій и цѣлымъ яко голубь. Ибо если станешь дѣйствовать такъ, какъ предписываетъ дѣло и требуетъ того справедливость, то наживешь себѣ враговъ соквартирантовъ, если же на все будешь смотрѣть сквозь пальцы и пропускать разныя продѣлки учениковъ мимо ушей, то попадешь въ немилость начальниковъ. Чго тутъ дѣлать? Я держался середины,—не былъ слишкомъ взыскателенъ, но не давалъ никому и поблажки, а посему я былъ на хорошемъ счету у начальства и пользовался любовью и уваженіемъ своихъ подчиненныхъ. Смотритель училища П. В—ій ²⁾ былъ вмѣстѣ и наставникомъ латинскаго языка. Это одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые рѣдко являются и являются какъ бы для того, чтобы дать почувствовать другимъ, что они не напрасно занимаютъ такія мѣста. Грозный, суровый и вспыльчивый, впрочемъ моментально, онъ не любилъ прощать за малѣйшія уклоненія отъ его могучей воли, которая для всѣхъ была закономъ. Его не только боялись ученики, но даже и наставники. Величественная его осанка, грозный видъ и густой басъ въ его разговорной рѣчи заставляли каждого ученика трепетать, а при гнѣвѣ его и при словѣ: „что-о-о!“, каждый какъ бы исчезалъ предъ нимъ, словно былинка предъ ураганомъ. Онъ никогда почти не смѣялся. Помнится, что одинъ только разъ въ теченіе цѣлаго курса засмѣялся въ классѣ, и мы не знали,

¹⁾ Писали обыкновенно *err.* т. е. *erravit*—ошибался. Л. М.

²⁾ Павелъ Максимовичъ Винницкій.

какой счастливой звѣздѣ приписать это необыкновенное явленіе. Впрочемъ, онъ не былъ жестокъ; правда, бывали минуты, когда онъ безъ милосердія и безъ пощады сѣкъ розгами руками солдатъ-служителей, но это очень рѣдко случалось. Помню, что и я однажды попался было подъ его гнѣвъ за неправильную записку въ нотаткѣ одного вѣрннаго мнѣ ученика. Ученикъ этотъ былъ достаточнаго отца, но къ несчастію тупъ и лѣнивъ до чрезвычайности. Онъ оставался на повторительномъ курсѣ въ этомъ классѣ. А какъ всегда оказывается уваженіе такимъ ученикамъ, то и я, хотя онъ былъ въ моей нотаткѣ, уважалъ его и не смѣлъ спрашивать его о знаніи уроковъ. Кромѣ того, онъ часто подносилъ мнѣ въ подарокъ то жилетъ, то платочекъ и т. п. Испушеніе было сверхъ силъ моихъ; онъ богатъ, а я бѣденъ, онъ можетъ быть изыточествовать, а я нуждался и нуждался въ самомъ необходимомъ. Ибо тогда казеннокоштные ученики, кромѣ стола и квартиры, больше ничѣмъ не пользовались отъ казны, вѣроятно, какъ мнѣ кажется, по милости эконома. И вотъ я не могъ устоять противъ такого испушенія и предлагаемое бралъ. За это онъ даже значился въ моей нотаткѣ: *scit*. Но какъ говорится: не всегда коту масляница, а придетъ для него и постъ,—такъ и для меня. У насъ проходили латинскую фразеологію, которой лекціи были по вторникамъ. Въ одинъ изъ несчастныхъ этихъ дней П. В—ій приходитъ въ классъ и первымъ спрашиваетъ его: „N-то, скажи урокъ“. Ёкнуло сердце, но думаю себѣ: „съ начала вѣроятно приготовился, а потому и отвѣтъ будетъ удачнымъ“. Но каково было мое удивленіе, когда я замѣтилъ, что онъ и читать по латыни не умѣетъ. Ну, попался я въ ловушку, но нечего было дѣлать. На силу какъ то онъ прочиталъ одну фразу, переводъ же былъ хорошъ, но какъ пришло до разбора словъ, онъ рѣшительно не зналъ толку въ немъ. Провозившись съ нимъ болѣе четверти часа, спрашиваетъ: „кто его слушалъ?“ Я поднялся съ мѣста. „Какъ онъ записанъ знающимъ? Да онъ ничего не смыслить. Ступай къ порогу“. Онъ всегда выражался лаконически, говорить много онъ не любилъ. Этотъ лаконизмъ потрясъ все мое существо. Просить у него милости и пощады было бы напрасно.

Я покорился необходимости.—Инспекторомъ и вмѣстѣ наставникомъ греческаго языка былъ М. Л—кій, человекъ холерическаго темперамента, высокаго роста и имѣвшій претензіи казаться строгимъ и грознымъ, на самомъ дѣлѣ онъ былъ добрый человекъ, не любилъ часто употреблять розогъ и вель себя, какъ слѣдуетъ наставнику. По выbytіи его въ Епархіальное вѣдомство, на мѣсто его поступилъ къ намъ *І. Кар—ій*; это былъ грозный бичъ, карающій всѣхъ и за все, даже за такія мелочи, на которыя иной бы и не посмотрѣлъ. Приходилъ онъ въ классъ всегда съ какимъ-то азартомъ и непонятнымъ настроеніемъ духа, ясно выразившимся въ его одутловатомъ и красномъ лицѣ, въ его нервной походкѣ и въ помутившихся глазахъ. Чтобы придратъся къ кому нибудь, онъ обыкновенно бросалъ свой взглядъ на учениковъ, какъ котъ, ища добычи, и лишь замѣчалъ кого смѣющимся, тотчасъ подходилъ, гнѣвно спрашивалъ его: „чему смѣешься—ступай подъ розгу“, и начиналась экзекуція, строгая, непримѣрная и беспощадная; по 60 и болѣе розогъ отсчитывалъ онъ ученикамъ ни за что, ни про что. Мы не могли тогда понять его жестокости; но послѣ объяснилось. Онъ любилъ выпить себѣ порядочно и, когда въ пьяномъ видѣ являлся въ классъ, то ему казалось, что съ него всѣ смѣются, а потому онъ особенно не любилъ смѣющихся и производилъ съ ними страшную расправу. Но не смотря на его жестокость, я пользовался у него большою милостью и никогда не подвергался его наказаніямъ.

По окончаніи экзаменовъ въ концѣ курса, я переведенъ былъ въ первомъ разрядѣ въ Семинарію. Такъ прошла моя училищная жизнь. Много въ это время натерпѣлся я голода и холода, много испыталъ непріятностей и отъ наставниковъ, которые обходились тогда съ учениками, какъ съ безсловесными животными, и отъ своихъ сотоварищей, особенно отъ тѣхъ, предъ которыми я былъ не что иное, какъ пигмей предъ великанами; тѣ иногда безцеремонно поступали съ сотоварищами, меньшими по возрасту, драли за волосы и били куда попало кулаками. Кромѣ этихъ голаяеовъ, случалось еще терпѣть отъ другихъ товарищей, такъ называемыхъ *насмѣшниковъ*, которые своею

изобрѣтательностью, въ прозвищахъ и своими колкостями доводили иногда до слезъ. При семъ нельзя не замѣтить, что въ наше время каждый ученикъ кромѣ собственнаго своего прозванія имѣлъ непременно еще и школьное; и часто вмѣсто собственнаго прозванія окликали учениковъ и школьными, и человѣкъ по неволѣ свыкался съ этими прозвищами, съ каковыми многіе переходятъ въ Семинарію и даже оканчиваютъ курсъ семинарскаго образованія.

Итакъ, я семинаристъ. Все пройденное было забыто, о будущемъ не думалъ, а настоящее представлялось въ очаровательномъ видѣ. Въ корпусѣ, гдѣ помѣщались казенные воспитанники, было чисто, опрятно, пища давалась гораздо лучше и въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ училищѣ. Кромѣ того, здѣсь было свободнѣе и вольнѣе; ботаническій садъ былъ открытъ для учениковъ; куда собирались учиться и гулять. Въ классѣ уже не было того террора, не слышно было криковъ и ругательствъ, а потому появилась у насъ охота къ ученью и какая-то любознательность. Шелъ каждый въ классъ непринужденно, безъ всякаго страха и опасенія, зная, что тутъ нѣтъ болѣе стеганій. По словесности у насъ былъ наставникомъ *Н. А—чъ* ¹⁾ человекъ добродушный, характера спокойнаго и хорошо знавшій свой предметъ и умѣвшій передать его другимъ. Его обращеніе съ учениками было очень вѣжливо; онъ говорилъ всегда: вы. Послѣ грубаго и звѣрскаго обращенія училищныхъ наставниковъ съ учениками это было для насъ чрезчуръ пріятно и даже льстило нашему семинарскому самолюбію. Послѣ объясненій, дававшихъ понятіе о риторикѣ и занявшихъ времени болѣе двухъ мѣсяцевъ, наконецъ приступили мы къ упражненію въ сочиненіи періодовъ различныхъ формъ и наименованій. Сначала показалось довольно трудно состряпать какой-нибудь періодъ

¹⁾ *Николай Григорьевичъ Александровичъ*, магистръ Московск. Дух. Академіи выпуска 1844 г.—Въ послѣдствіи онъ перешелъ на службу въ вѣдомство Министрства Нар. Пр., былъ учителемъ Нѣжинской гимназіи и, наконецъ, директоромъ 3-й Кіевской гимназіи. Въ настоящее время живетъ въ отставкѣ въ Одессѣ—съ 1882 г.—Мы показывали почтенному Николаю Григорьевичу нѣкоторые отрывки о немъ его ученика... Лучшей награды не можетъ быть для учителя, какъ подобие, чрезъ много, много лѣтъ, отрывки учениковъ!... Л. М.

уступительный или условный, или сравнительный и пр., но послѣ трудность эта прошла, и человѣкъ, незамѣтно свыкался съ различнаго рода сочиненіями и писалъ отчасти удачно.—Гражданская Исторія сильно мнѣ понравилась и очень заинтересовала. Учебникомъ въ семинаріи былъ тогда еще Шреккъ, но онъ только считался, а на самомъ дѣлѣ мы учили исторію по запискамъ хорошаго изложенія и удовлетворявшую нашей любознательности. Преподавателемъ оной былъ священникъ *І. Кр—скій* ¹⁾ изъ возсоединенныхъ униатовъ и ходившій даже съ начала въ классъ въ римской сутанкѣ униатскаго кроя съ бритой бородой и имѣвшій волосы подстриженные въ кружокъ. При первомъ приходѣ его въ классъ, мы, не ожидавшіе подобнаго явленія, подумали, что это ксензъ, и подняли его на смѣхъ; онъ сконфузился и скоро, правда, отпустилъ волосы и бороду и одѣлся въ расу.

При этомъ нельзя пройти молчаніемъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1-мъ классѣ Риторики былъ наставникомъ *Θ. Ко...кій* ²⁾; человѣкъ неспокойнаго характера, взыскательный до мелочей и зараженный обскурантизмомъ; онъ вздумалъ завести въ Риторикѣ нотатки и сдѣлалъ предложеніе въ Семинарское Правленіе, которое и хватилося за эту благую мысль. Цѣлую сентябрьскую треть была возня изъ-за нотатокъ, многіе даже и пострадали, но ученики отстояли свои права, видно понимая лучше прогрессъ, чѣмъ тогдашніе семинарскіе наставники и начальники, которые предположили возвратиться къ временамъ своего воспитанія въ семинаріи. На слѣдующій курсъ, говорятъ, опять была попытка завести нотатки, но и это не удалось.—Кромѣ этого щекотливаго обстоятельства, все время въ Риторикѣ прошло благополучно, тихо, спокойно; иногда только помощникъ инспектора *И. С....нъ* ³⁾, личность, не слишкомъ пре-

¹⁾ *Іаковъ Ивановичъ Крашеновскій*, воспитанникъ С.-Петербург. Дух. Академіи вып. 1837 г.

²⁾ *Федоръ Ермолаевичъ Козелецкій*.

³⁾ *Іванъ Семен. Славинъ*, воспитан. Московск. Д. Академіи—вып. 1844 г., родомъ изъ волынск. г., имѣлъ фамилію *Бубаловичъ* и въ академіи перемѣнилъ ее на *Славинъ*.

зентабельная и притомъ несдержаннаго характера, любилъ прикрикнуть и, отворивши классъ до прихода наставника, спрашивать: „цензоръ, кто шумить, кто рычитъ?“ и какъ въ Риторикѣ было съ полтора ста человѣкъ, то, разумѣется, нельзя было положительно и отвѣчать на заданныя темы—помощника инспектора, который для поддержанія своего авторитета грозилъ цензору и голоднымъ столомъ во время обѣда казеннокоштныхъ учениковъ въ семинаріи, и колѣностояніемъ. Всѣ эти угрозы я испытывалъ самъ на себѣ, такъ какъ я былъ въ Риторикѣ класснымъ цензоромъ или журналистомъ; впрочемъ, эти угрозы никогда не приводились въ исполненіе. По окончаніи курса въ Риторикѣ я въ числѣ первыхъ учениковъ перешелъ въ среднее отдѣленіе семинаріи, или, какъ обыкновенно называютъ, въ *Философію*. „Гм—Философія; объ чемъ же,—я думалъ,—будетъ она трактовать? Названіе высокопарное—Философія.... Какой же ея предметъ, какое содержаніе?“ Походивши нѣсколько времени въ классъ, я узналъ изъ объясненій наставника, что будемъ проходить сперва логику, а потомъ психологію и то, разумѣется, въ сокращенномъ видѣ, такъ какъ эту науку предполагалось пройти въ теченіе одного года, а на другой годъ назначалась патристика. Что же такое есть логика? Логика есть наука, излагающая правила мышленія или лучше и проще сказать—научаетъ мыслить. Значитъ, я подумалъ себѣ, кто не училъ логики, тотъ не умѣетъ мыслить, думать и рассуждать. Какъ же это нашъ простолюдинъ мыслить, когда онъ не училъ логики, какъ же мыслить большая половина рода человѣческаго, не зная даже о томъ, существуетъ ли на свѣтѣ Логика? На эти вопросы я рѣшительно не могъ отвѣчать себѣ. Наставникомъ логики былъ у насъ протоіерей *Д. К.....ій*¹⁾, человѣкъ, глубоко постигшій правила и законы мышленія. Онъ ихъ зналъ, какъ пять своихъ пальцевъ, но по сокращенному времени не могъ ихъ обстоятельно преподавать. Вся его логика состояла почти изъ примѣчаній, которыхъ не обязательно было учить, а только замѣтить, но такъ, чтобы отъ слова до слова вызубрить ихъ. Дальнѣйшія

¹⁾ Данилъ Григорьевичъ Кляковскій.

об'ясненія этого наставника дѣйствительно показали, что логика учить мыслить. Тутъ мы узнали законы мышленія и какъ онѣ называются, категоріи, которыхъ считалось до 10, идеи, силлогизмы, софизмы и пр. и пр. и пр. А об'ясненія этого наставника сразу показали намъ просто непостижимыми. То и дѣло, что слышалось въ классѣ: субъективный, объективный, идеальный, реальный, сенсибильный, трансцендентальный. Думаю, что за чушь такая; откуда набралось въ русскомъ языкѣ такихъ терминовъ, вѣроятно это китайщина; а нужно замѣтить, что какъ я, такъ и прочіе мои товарищи, не очень сильны были въ латинскомъ языкѣ. По окончаніи курса логики я захотѣлъ себя испытать, на сколько она научила меня мыслить, и оказалось, что она очень незначительное вліяніе имѣла на мою естественную логику, исключая, можетъ быть, того, что я освоился съ нѣкоторыми философскими терминами, дабы при случаѣ щегольнуть ими, хотя и не встати, предъ личностями, нисколько не почерпнувшими философской мудрости. Психологію я изучалъ съ охотою и прилежаніемъ, такъ какъ она болѣе давала пищи нашей любознательности, чѣмъ сухой и отвлеченный предметъ логики. Прочія науки также были изучаемы мною аккуратно, кромѣ физики, которою въ наше время никто не занимался, а также естественной исторіи, которая стояла всегда у насъ на заднемъ планѣ. Но почему мы не занимались этими двумя науками, положительно нельзя отвѣтить на это. Правда, что записки по естественной исторіи у насъ были очень рѣдки—кажется одинъ только экземпляръ на цѣлый классъ, а переписывать было почти невозможно, такъ какъ у насъ всѣ предметы, кромѣ библейской исторіи были въ запискахъ; не имѣя же записокъ, не было и охоты заниматься естественной исторіей. Весь философскій классъ прошелъ безъ всякихъ приключеній, какъ для меня, такъ и вообще для цѣлаго класса. Ничего необыкновеннаго не случилось. Нужно замѣтить, что тогда всѣ наставники всѣхъ классовъ семинаріи требовали буквального заучиванія лекцій, что чрезвычайно вредно вліяло на нашъ ходъ образованія. Привыкши къ буквѣ, мы придерживались книгъ или записокъ съ математическою точностью и за предѣлы оной не смѣли высту-

пить, зная, что за это будутъ пенять насъ; отъ того наши понятія нисколько не развивались, а разсудокъ былъ въ совершенномъ застоѣ и бездѣйствіи. Мы не учились, а мучились.— Но вотъ я и въ богословскомъ классѣ. Слѣдовало бы еще упомянуть объ одномъ обстоятельстве при переходѣ моемъ изъ философіи въ богословію, но не хочется приподнимать завѣсы былого времени и выставять личности, въ родѣ *А. П. Д—ю*, не въ очень для него свѣтломъ видѣ. Будучи хитрымъ и лукавымъ, онъ былъ придирчивъ до невозможности и мстителенъ; это—искатель приключеній; не проходило дня, чтобы онъ не имѣлъ съ кѣмъ-нибудь изъ учениковъ семинаріи столкновенія, то и дѣло, что постоянныя расправы, которыя переходили въ дальнѣйшую инстанцію, т. е. повергались на благоусмотрѣніе инспектора семинаріи, а иногда восходили посредствомъ докладныхъ записокъ и въ правленіе семинаріи. Замѣчанія, выговоры, разныхъ родовъ наказанія слѣдовали вслѣдствіе его ябедническихъ представленій. Вообще нужно сказать, что эта личность была довольно мрачная для семинаріи. Онъ оставилъ на долго память о себѣ. Но Богъ съ нимъ. То было время, а нынѣ другое. Правда, пріятно вспоминать о добрыхъ наставникахъ и начальникахъ, они печатлѣются глубоко въ сердцѣ и никогда не изгладятся изъ памяти признательныхъ и благодарныхъ питомцевъ. Но одна мысль о звѣронравномъ и придирчивомъ начальникѣ производитъ непріятное впечатлѣніе въ человѣкѣ и сотрясаетъ весь организмъ, какъ бы отъ электрическаго тока. Богословскій классъ остался надолго памятнымъ для меня по многимъ причинамъ. Но раскрывать оныя считаю лишнимъ и даже бесполезнымъ, потому что это не составитъ интереса для читателя; скажу только, что хотя здѣсь человѣкъ почувствовалъ больше вольности и пользовался свободою неограниченною, но мало прибрѣлъ пользы для ума. По причинѣ требованія буквального изученія лекцій особенно наставниками по богословскимъ предметамъ, этотъ классъ былъ для насъ чрезвычайно тяжелымъ и очень скучнымъ; кромѣ того, этотъ наставникъ и не умѣлъ даже обстоятельно преподавать намъ того, что нужно было. Тогда всѣ пять частей богословіи: догматической, прав-

ственной, гомилетической, пастырской и полемической принадлежали одному наставнику, которымъ былъ въ наше время протоіерей В. Р—въ, а въ монашествѣ іер. Е.¹⁾; онъ не владелъ даромъ слова, объяснялъ лекціи очень вяло и такъ неудовлетворительно, что мы рѣшительно изъ его объясненій не извлекли для себя пользы. Притомъ не умѣлъ распоряжаться и лекціями. Такъ одно догматическое богословіе шло часто чрезъ сентябрьскую и генварьскую трети и то недалѣе какъ до „благодати“, а въ майской нужно было окончить, повторить, а также пройти пастырское, гомилетическое и обличительное богословіе, что, разумѣется, очень было обременительно для учениковъ, а особенно когда отвѣчать требовалось буквально отъ слова до слова, почему самъ наставникъ слѣдилъ пальцемъ по книгѣ или запискѣ и въ случаѣ опущенія „и“ замѣчалъ; „что ты дѣлаешь опущенія, вѣдь это не твоей головы люди написали это“—и за это ставилъ отмѣтку 2 и даже 3²⁾. Жутко было намъ,—но что же дѣлать; нужно было нести это ярмо. Этотъ наставникъ былъ вмѣстѣ и инспекторомъ семинаріи. Имѣя слабость слушать доносы на учениковъ, онъ часто преслѣдовалъ и невинныхъ. Но правду сказать, онъ хотя былъ строгъ и вспыльчивъ, но существеннаго зла онъ мало сдѣлалъ ученикамъ; онъ не любилъ *трубокуровъ* и даже запискою очень часто представлялъ такихъ, когда ему случалось поймать, въ семинарское правленіе. Помнится, что семинарское правленіе однажды докладывало преосвященному, вслѣдствіе представленія инспектора, объ одномъ ученикѣ богословіи, который якобы такъ пристрастился къ трубѣ, что два и три раза въ день курилъ. Также, нужно замѣтить, что этотъ инспекторъ не подвергалъ жестокимъ наказаніямъ учениковъ и былъ очень справедливъ. Часто возникали у него споры съ ректоромъ семинаріи касательно пищи и одежды казеннокоштныхъ воспитанниковъ, которыхъ иногда безсовѣстно обижали. Эти споры, хотя, казалось, были тайною для учениковъ,

¹⁾ *Василій Рязановъ*, въ монаш. іеромонахъ *Евфремъ*—впосл. епископъ курскій, и затѣмъ перскій. Сконч. на покое въ 1893 г.

²⁾ Цифры 3 была въ старину пайхудшей отмѣткой, а наилучшей была 1.—Л. М.

но она не могла укрыться отъ нихъ, а потому каждый изъ насъ болѣе или менѣе зналъ объ этихъ размолвкахъ между семинарскимъ начальствомъ и въ душѣ радовался тому, ибо зналъ, что отъ этого могутъ произойти для насъ—бурсаковъ улучшения, какъ по гастрономической части, такъ и по другимъ.—Всѣ предметы въ богословскомъ классѣ изучались мною аккуратно, кромѣ медицины и сельскаго хозяйства. Медицину преподавалъ у насъ докторъ семинарской больницы *О. К—вскій* ¹⁾ полякъ, не умѣвшій даже правильно объясняться по русски: руководствомъ же была книжка, изданная профессоромъ медицины Хотовицкимъ, очень краткая и мало полезная, потому что изъ ней никогда нельзя было научиться леченію даже самыхъ обыкновенныхъ болѣзней. Докторъ К—вій былъ замѣчательная личность, о которой нельзя пройти молчаніемъ. Будучи высокаго роста, немного сгорбленный, онъ имѣлъ какую-то особенную своеобразную походку, закидывая ногу за ногу, какъ бы думалъ падать. Онъ страдалъ чахоткою, часто кашлялъ и говорилъ какимъ-то плачевнымъ голосомъ. Не говоря объ его объясненіяхъ, которыя не имѣли не только логики, но и грамматики, замѣчу только о томъ, какъ онъ спрашивалъ лекціи учениковъ. Онъ ве задавалъ вопроса, а только говорилъ: ну какъ тамъ—„поелику“, „не смотря на то“, или „хотя“, „ибо“, т. е. напоминалъ какъ начинается параграфъ; подобные вопросы возбуждали смѣхъ, и мы, пока не свыклись, смѣялись вдоволь. Конечно, нельзя было требовать отъ него того, чего требовалось отъ другихъ наставниковъ. Если же случалось, что онъ замѣчалъ кого-нибудь въ классѣ или смѣющимся, или производящимъ шумъ, и разумѣется неоднократно, то онъ при составленіи списковъ, которые всегда писались ему кѣмъ-нибудь изъ учениковъ семинаріи, велѣлъ всегда ставить его на виду: вотъ здѣсь, т. е. первымъ ученикомъ, говорилъ онъ составителю списковъ, поставь его, чтобы тотчасъ увидѣли его и исключили. Предъ окончаніемъ курса экзаменъ производилъ въ Богословскомъ классѣ Высокопреосвященный

¹⁾ *Осипъ Корженевскій.*

А—ній¹⁾ архієпископъ волинскій, на которомъ я удостоился отвѣчать два раза изъ догматическаго богословія и церковной археологiи и выпущенъ въ епархіальное вѣдомство съ аттестатомъ 1-го разряда. Съ окончаніемъ курса я очутился вольнымъ, какъ птичка, выпущенная изъ клѣтки послѣ долговременнаго ея заключенія. Все пройденное училищное время мерещилось, какъ во снѣ, и представлялось какъ бы какой мечтой. Такъ въ счастіи скоро забываются перенесенныя человекомъ бѣдствія, и только смутное иногда воспоминаніе навѣваетъ тоску. При досугѣ иногда повѣрялъ я свои знанія, но онѣ казались верхушками, сорванными какъ бы мимоходомъ изъ пройденныхъ предметовъ, а главнаго, существеннаго, что заставляли такъ зубрить, чѣмъ набивали нашу память—ничего не осталось, все вылетѣло изъ головы. Нужно было опять припяться за книги. Но тогда было не до книгъ. Нужно было избрать родъ жизни, пріискать себѣ невѣсту и приходъ, и вотъ въ этомъ занятіи прошелъ цѣлый круглый годъ. Наконецъ милостью начальства я получилъ приходъ, а по благословенію Божію нашелъ и невѣсту, съ которою бракосочетался 5-го сентября 1854 года, каковой актъ записанъ при Николаевской церкви въ селѣ Сумовцахъ, острожскаго уѣзда. 29 сентября того же года рукоположенъ во священника Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, бывшимъ архієпископомъ варшавскимъ и новогоріевскимъ, управлявшимъ волинской епархіей, а 17 октября вступилъ въ пастырскую должность приходскаго священника с. С.²⁾.

Трудно мнѣ было свыкнуться съ тою мыслью, что я захожусь уже не на школьной скамейкѣ и не предъ лицомъ взыскательнаго наставника, а состою самъ руководителемъ, наставникомъ и пастыремъ словесной паствы. Нужно было серьезно подумать объ этой высокой и вмѣстѣ важной обязанности и о томъ страшномъ отчетѣ, который потребуется отъ меня за нерадивое и небрежное исполненіе о прохожденіи этой обязан-

¹⁾ Арсеній, вносвѣдств. митрополитъ кіевскій.

²⁾ Села Сивокъ, острож. у., гдѣ авторъ и былъ священникомъ до ковца жизни.

ности. Паству свою я засталъ въ очень незавидномъ положеніи; нравственно-религіозная жизнь моихъ пасомыхъ представляла довольно мрачную картину. И такъ нужно было освѣтить этотъ мракъ, навѣянный на нихъ вѣковымъ рабствомъ и тлетворнымъ дыханіемъ запада, въ то время, когда сей край совращенъ былъ въ унію, которая продолжалась почти столѣтіе и которая всѣ хорошіе задатки религіозно-нравственные растлила и подавила на долго.

Я, помня слова Апостола: „настой благовременнѣ—безвременнѣ, запрети, обличи, умоли“, принялся за дѣло энергически и, призвавъ на помощь всѣ силы ума, воли и сердца, съ Божіимъ благословеніемъ рѣшился объяснить своимъ прихожанамъ все ихъ жалкое положеніе, въ какомъ они находятся касательно главнѣйшихъ и важнѣйшихъ христіанскихъ обязанностей и касательно спасенія своей души, которое они всегда ставили на задній планъ. Такъ какъ почти всѣ не умѣли правильно сотворить на себѣ крестнаго знаменія, а очень многіе чрезвычайно коверкали и уродовали слова общеупотребительныхъ молитвъ, или дѣлали ненужныя и лишнія прибавленія, затемнявшія смыслъ и даже проявлявшія ересь, то я прежде всего и обратилъ на это свое вниманіе. Разумѣется, всѣ эти прибавки и коверканья были плодомъ невѣжества, а не злонамѣренности, но ихъ все таки нужно было уничтожить. Долго я имъ объяснялъ и толковалъ о тѣхъ неправильностяхъ и лишнихъ прибавленіяхъ, которыя оказывались въ ихъ молитвахъ; сперва многіе обижались, когда я замѣчалъ имъ, что они не умѣютъ креститься и молиться, другіе какъ-то недовѣрчиво и съ негодованіемъ встрѣчали мои наставленія, но я не ослабѣвалъ, не падалъ духомъ, а продолжалъ начатое. Правда, горькое и безотрадное положеніе моихъ прихожанъ въ ихъ обывденной жизни во время крѣпостного права было сильнымъ препятствіемъ на пути моей пастырской дѣятельности. Они, указывая на свою злосчастную долю, которая дѣйствительно могла расположить ихъ къ равнодушію, холодности и къ бессознательности къ религіознымъ предметамъ, прямо отговаривались невозможностью и неимѣніемъ времени исполнять въ точности всѣ христіанскія обязанности, и

что среди такихъ невзгодъ жизни они забыли даже и молиться Богу. Я ихъ утѣшалъ надеждою на Бога, что рано или поздно кончится ихъ страдальчество и что ихъ ожидаетъ новое счастье, заря котораго уже занялась, а между тѣмъ настаивалъ, чтобы они безъ всякихъ сомнѣній и подозрѣній принимали мои наставленія и, познавъ свои грубыя ошибки, довѣрялись мнѣ и осуществляли на дѣлѣ то, что я имъ говорилъ и чему училъ. Для успѣшнѣйшаго достиженія своей цѣли я въ 1656 г. завелъ школу для мальчиковъ, куда собравъ молодыхъ парней отъ 18 до 30 л., училъ ихъ грамотѣ и излагалъ имъ важнѣйшія и необходимѣйшія истины нашей христіанской религіи въ дѣлѣ нашего вѣчнаго спасенія. Но вѣковѣчные враги нашего простого народа всегда стараются ставить преграду нашимъ благимъ желаніямъ и вѣреніямъ. Помѣщица села С., узнавъ о моихъ благотворныхъ дѣйствіяхъ для прихожанъ, ужаснулась и велѣла тотчасъ разогнать и мальчиковъ и взрослыхъ парней изъ школы, присовокупивъ, что, если всѣ будутъ грамотны, то некому будетъ пасти у нея свиней. Такъ какъ въ это время вліяніе этого элемента было сильно и могущественно и оно по своему произволу и капризамъ даже ворочало правосл. приходами и перемѣняло священниковъ, лишало ихъ приходовъ по наговорамъ и ябедническимъ доносамъ предъ Епархіальнымъ начальствомъ, то я, избѣгая непріязненныхъ столкновеній, могущихъ воспослѣдовать вслѣдствіе моего сопротивленія, покорился необходимости. Не смотря на то, я много облегчалъ участь моихъ прихожанъ тѣмъ особенно, что я настаивалъ, чтобы въ точности соблюдаемы были инвентарныя правила, чтобы больше положеннаго не гонять на барщину и не требовать отъ нихъ лишнихъ работъ. Этимъ отчасти я заслужилъ у нихъ любовь и довѣріе, и они съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ принимали къ сердцу мои наставленія...

5 декабря 1867 г.

